

Живу в возможном,
что обыденности мне милей.
Ведь изобилие окон
важней количества дверей.

Эмили Дикинсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Позвольте дать вам смелое обещание. Я, незнакомка, приглашаю вас в мир, где вы живете — изо дня в день. И все же я уверена, что после прочтения этой книги ваши знания и представления об этом мире изменятся. Вы переосмыслите свою роль в нем, поймете, что он воздействует на вас, ваших детей, на всех, причем так глубоко, как вы не могли себе представить.

Откуда я это знаю? Потому что так случилось со мной.

Когда я была подростком в мире, еще не знавшем смартфонов и *GPS*, мне посчастливилось отправиться с родителями в Италию. Во время одной изматывающей, нервной поездки на взятой напрокат машине мой отец свернул с шоссе в пригороде Флоренции, моя мать не смогла сориентироваться, и мы поняли, что заблудились. У нас была карта, но, должно быть, север был югом, или юго-востоком, или западом, вопреки ее представлениям, и нигде на карте она не могла найти названий улиц, по которым мы проезжали. Огорченные, мои родители начали ссориться. Родители злились, автомобиль бросало из стороны в сторону, и я обнаружила — уже не впервые, — что оказалась в самой гуще битвы титанов. То есть колоссального скандала. Сверни налево! Нет, ездай прямо... Смотри сюда! Нет, туда. Видишь этот знак? На нем написано совсем не то... и так далее, и так далее.

Я попросила передать карту мне, быстро определила наши координаты и потребовала от них обоих — несомненно, противным подростковым голосом — сохранять спокойствие. Сурово и безошибочно я указала дорогу к отелю, где мы зарегистрировались, не обменявшись с родителями и словом. Затем я — отчаянно желая убраться подальше, остаться в одиночестве, — поспешно сообщила, что хочу прогуляться.

Все равно куда, я просто пошла прочь. Хотя в гуманитарной программе моей школы значились уроки по истории Флоренции и ее выдающейся роли в итальянском Ренессансе, ничто на это не указывало. Вокруг меня был просто еще один итальянский город, очаровательный, но не более и не менее очаровательный, чем множество других итальянских городов, в которых мы побывали. Я шла, не разбирая дороги, просто стараясь снять напряжение. Побродив по многолюдным улицам, я вышла на площадь, запруженную гудящими автомобилями, на большой скорости огибающими дома и туристов. Чудесное восьмиугольное здание было передо мной, основание его находилось чуть ниже уровня улицы, словно оно начало погружаться обратно в землю, но в то же время оно высоко поднималось над площадью. Его стать подчеркивали зеленовато-серые полосы *pietra serena**, оплетающие беломраморные блоки на его фасаде. За этим восьмиугольником — баптистерием, поняла я — огромный собор возносил славу оставившему сей мир Богу, в то же время восторженно отдавая дань гениальности человека. И это было еще не все! Рядом с правым крылом собора взмывало в небо кружевное каменное создание в нежных розовых, зеленых и белых тонах: колокольня Джотто. Я воспарила сердцем. Умиро-

---

* Серый песчаник, широко использовавшийся в оформлении флорентийских зданий эпохи Возрождения. — Прим. изд.

творение разлилось по моему телу. За считанные минуты я окончательно освободилась от дневных испепеляющих треволнений. Как может существовать такая красота? Кто ее создал? Почему розовое и зеленое? Как могло случиться, что эти три здания, внезапно открывшиеся мне на незнакомой городской площади, так кардинально изменили мое настроение, мой день и, — хотя об этом я тогда вряд ли догадывалась, — мою жизнь?

Большую часть жизни, почти 40 лет, прошедших с того времени, я писала о зданиях, ландшафтах и городах, сначала как журналист, затем как профессор и историк модернизма и его деятелей, включая Луиса И. Кана, американского архитектора, о котором я написала книгу. Десять лет преподавания в Школе дизайна Гарвардского университета погрузили меня в архитектуру наших дней. Моя увлеченность современными методами и идеями вызвала, в свою очередь, растущее недовольство академическими публикациями, с их ограниченной аудиторией и специфической формой, поэтому я начала пополнять своими эссе и обзорами свод общедоступных публикаций.

В течение восьми лет я была архитектурным критиком в *New Republic*, и к настоящему времени опубликовала целый ряд научных и популярных работ здесь и за границей. Все это перечисление — просто для того, чтобы показать, что изрядная доля моей профессиональной и личной жизни была посвящена тому, чтобы ответить на вопросы, которыми я задалась в тот памятный день. Именно путешествие побуждало посещать все новые и новые места, изучать и фотографировать здания, ландшафты и города и читать все более глубокие книги, постигая различные способы анализа и осмысления городской среды. Будучи студенткой, а потом аспиранткой на кафедре истории искусств, я научилась оценивать непреходящую власть визуальных языков

и художественных традиций и определять, как такие традиции взаимодействуют и с чувствами дизайнера, и с запросом общества на новизну в культурных высказываниях. Однако быстро выяснилось, что одной лишь истории искусств недостаточно для решения стоящей передо мной задачи: понимания эстетического переживания. Поэтому я искала ответы в истории техники, общественной теории, эстетике и даже лингвистике и теории литературы.

В то же время я разбирала записи и эскизы самих дизайнеров, анализируя их стили и художественное видение, докапываясь до лежащих в их основании мыслей. Я познакомилась с идеалами французского Просвещения, породившими неоклассицизм XVIII века; с неоплатонизмом и органическим универсализмом, давшими толчок геометрическим планам Андреа Палладио и Франческо Борромини, а позднее — Энн Грисуолд Тинг; с доктриной конструктивного рационализма конца XIX века, наиболее ярко разработанной Э. Э. Виолле-ле-Дюком и оказавшей влияние на некоторых ранних модернистов. Я анализировала разнообразные интерпретации функционализма, от «универсального пространства» Людвиг Мис ван дер Роэ до психобиологизма Рихарда Нойтры, а также стилизации социологии и ностальгии в «языке паттернов» Кристофера Александера. Идеи, собранные у всех этих деятелей, а также из научных статей и направлений, питали непрерывно развивающуюся схему, которую я разрабатывала для того, чтобы пролить свет на то, как и почему архитекторы, урбанисты и ландшафтные архитекторы проектировали так, а не иначе, и на то, как люди воспринимают здания, города и места, которые проектируют архитекторы.

Я многое узнала о множестве вещей. Но я не была удовлетворена и все еще искала ответы на вопросы, как,

насколько архитектурная среда влияет на то, что мы думаем, чувствуем и делаем. Только литераторы, мне кажется, уловили что-то из того, что я пытаюсь объяснить. В ассоциативных, нелинейных, интуитивных мыслях, содержащихся, в частности, в стихотворных и прозаических отрывках, которыми в качестве эпиграфов я предваряю каждую главу, выкристаллизовались некоторые важные характеристики того, как люди воспринимают наши архитектурные среды. Мои первоначальные вопросы все же остались по преимуществу без ответов.

Семь или восемь лет назад я начала перелистывать разрозненные работы, касавшиеся социальной теории, когнитивной лингвистики, различных отраслей психологии и когнитивной нейробиологии, — и это дало мне новое представление о том, как люди видят, что думают и, в конечном итоге, как воспринимают окружающую среду, к которой, несомненно, относится и городская застройка. В процессе дальнейшего чтения стало очевидным, что недавно сложившаяся теория, называемая по-разному — «воплощенное», или «укорененное», или «ситуативное» познание — возникла на пересечении работ во многих направлениях, отчасти научных. Обнаружилось, что человеческое мышление по преимуществу — в большей степени, чем считалось прежде, — является не логическим и не линейным, а ассоциативным и бессознательным. Эта все еще находящаяся в процессе становления теория создает основы для моделирования и анализа того, как мы живем одновременно в этом мире, в наших телах, стоящих ногами на земле. О том, как мы сосуществуем с другими людьми и с образами в наших головах, которые переполнены представлениями о мирах, которые мы сами постоянно воображаем и преобразуем. Человеческое познание, принятие решений и действия представляют собой некую смесь всех трех компонентов.

Эта переживающая становление, научно обоснованная теория воплощенного познания легла в основу представленного здесь мной анализа, который в итоге позволит мне ответить на некоторые вопросы, занимавшие меня и так долго не дававшие мне покоя. Каким образом, при каких обстоятельствах комната, или здание, или городская площадь, или любая застройка воздействуют на нас? Что именно в том или ином месте привлекает или отталкивает нас, что западает в нашу память или никак не откладывается в ней, что может тронуть кого-то до слез или оставить равнодушным?

Хотя семена идей, которые я представляю здесь, были посеяны в тот далекий день во Флоренции, лишь после того, как я узнала все, что стало известно ныне ученым и психологам о человеческом познании, я смогла написать эту книгу. Я неслучайно попала на пьядца-дель-Дуомо; план улицы, на которой я оказалась, ширина ее тротуаров, повороты, за которыми на мгновение приоткрывалось что-то большое и белое, — все это подталкивало меня к ней. Нельзя сказать, чтобы я была одинока в своем восприятии флорентийской Соборной площади. Отчетливо обозначенные границы плазы, масштаб и чистые геометрические формы ее центральных строений, внезапное чередование разных материалов совместно работали на то, чтобы завладеть моим рассеянным вниманием. В сочетании с выступами и углублениями, дающими представление о масштабе, яркими красочными архитектурными деталями, эти здания пленяли взгляд соответствием действиям и склонностям человеческого тела и разума, производя огромное впечатление. То, что колокольня Джотто, собор Брунеллески и величественный Баптистерий стали частью моей биографии, — после стольких лет все еще живо стоя перед моим внутренним взором, — совершенно очевидно, результат природы и проделок долговременной человеческой памяти.

Подумайте о том, как прослушивание вашего любимого музыкального произведения может изменить ваше настроение. Как созерцание великолепной картины переносит вас в другой мир. Как необычная форма предмета мебели заставляет вас представить тело отдыхающего человека; танцевальное представление вызывает мысли о вашем собственном теле в движении. Удачные скульптуры могут вызвать ощущение стояния с гордо поднятой головой, или ползанья, или плаванья; хороший фильм обогащает нашу жизнь сюжетами и драматическими коллизиями. Каждое из искусств воздействует на нас могущественным и реальным образом, но происходит это, только когда мы активно вовлечены в процесс восприятия. Обычно такое бывает короткое время на протяжении какого-то дня, а в множество других дней может не случиться вообще.

Наши отношения со строительной средой — иные, чем с любым другим видом искусства. Она воздействует на нас все время, а не только тогда, когда мы решаем уделить ей внимание. Более того, архитектурная среда влияет на нашу жизнь и наш выбор всеми способами, какими это делают другие виды искусств вместе взятые. Она влияет на наши настроения и эмоции, на то, как наши тела ощущают себя в пространстве и в движении. Она глубоко видоизменяет истории, которые мы себе рассказываем и сооружаем из нашей повседневной жизни.

Что обнаруживает эта новая теория воплощенного или ситуативного познания, так это то, что городская застройка и ее дизайн значат гораздо, гораздо больше, чем кто-либо, даже архитекторы, мог себе представить. Информация, которую открывает эта книга, должна глубоко повлиять на то, как люди воспринимают строительную среду и как архитекторы ее проектируют. В ней, словно в зеркале, отражаются миры, которые

мы создали, и она иллюстрирует способы перестройки нашей среды, которые помогут сделать ее менее угнетающей для души и более живительной для человеческих тела и ума, обществ и государств.

Почему я чувствую себя такой уверенной, приглашая вас в *ваш* мир? Потому что в процессе написания этой книги я — которая уже привлекла к решению этой задачи выдающихся специалистов в области строительной среды — стала видеть здания, ландшафты и города по-новому, и не только в тот памятный день во Флоренции, но и ежедневно.

И здесь я хочу поделиться тем, что поняла, с вами.

ВВЕДЕНИЕ

СЛЕДУЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СРЕДЫ

Ни один из миров
Не одет, как ему подобает, но, жестокий иль нет,
Мир все же следует строить,
Так как вид из окна
Существует для нас все равно.

У. Х. Оден, «Хвала местообитанию».

I. Пролог: Рождение архитектуры

Оглянитесь вокруг. Что вы видите из своего окна? Что из обстановки комнаты вы видите с того места, где сидите? Ваш ответ будет столь же уникальным, как вы сами. Живете ли вы в городе, крупном или маленьком, в пригороде или за городом, или в одном из растущих мегаполисов — Нью-Йорке, Сеуле, Сан-Паулу, — вы находитесь посреди городской застройки или, в любом случае, смотрите на нее из окна. В давние времена при обустройстве человеческих местообитаний, как правило, главную роль играла природа. Те времена прошли. По всему миру в развитых и развивающихся странах люди проводят большую часть своего времени внутри и в окружении зданий и искусственных ландшафтов. В больнице или спальне вы родились; в хосписе, спальне или больнице, вероятнее всего, умрете. Вы обустроиваете свой дом или квартиру. По улицам, мостам и под землей вы едете, добираясь до офиса, лаборатории, или промышленного предприятия, или магазина, где вы ра-